

А.Н. Бурмейстер
Гренобльский университет, Франция

Просветительская революция сверху и большевистская контрреволюция

М.С. Горбачев отмечает 70-летие Октябрьской революции заявлением, что при перестройке революция продолжается, а в книге «Перестройка и новое мышление» отвечает на вопрос: почему на 70-м году Октября мы говорим о новой революции? «Можно подойти к ответу на этот вопрос с помощью исторических аналогий. Ленин в свое время подметил, что в стране классической буржуазной революции, во Франции, после Великой революции 1789—94 годов потребовалось еще три революции (1830, 1848 и 1871 годов), чтобы довести до конца начатое ею дело»¹. Англии, чтобы довершить кромвельскую революцию, оказалась необходимой реформа 1832 года, а Германии потребовались две буржуазно-демократические революции (1848 и 1918 годов) и между ними — крутые реформы Бисмарка.

Использование исторических аналогий может привести к неожиданным заключениям. Французская поговорка предостерегает: *Comparaizon n'est pas raison*². Да, предприняв перестройку, Горбачев дал ход революционному процессу, но отнюдь не в перспективе продолжения Октября. Перестройка оказалась первой попыткой установить в Советском Союзе правовое государство, т.е. обратиться к началам классической буржуазной революции, благодаря которой суждено было завершить просветительную революцию сверху, предпринятую Петром Великим. Преамбула брежневской Конституции объявляет, что Великая Октябрьская социалистическая революция свергла власть капиталистов и помещиков, разбила оковы угнетения, установила диктатуру пролетариата и создала Советское государство, государство нового типа, основное орудие защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма³. На самом деле большевистский переворот, лишив Россию завоеваний классической буржуазной революции, является, в прямом смысле слова, классической контрреволюцией. В свое время Каутский, Плеханов, Роза Люксембург и прочие социал-демократы строго осудили авантюризм Ленина, ссылаясь на пример французской революции; революция проходит обычно три этапа: сначала выступают умеренные партии; затем под напором масс приходят к власти максималисты; и наконец, их экстремизм вызывает реакцию и захват власти полководцем-карателем. Опасались максимализма автора «Ап-

---

Александр Николаевич Бурмейстер, заслуженный профессор Гренобльского университета им. Стендаля, Франция. Специалист по истории славянских литератур, один из отцов «лингвистического поворота».

¹ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление. М.: Политиздат, 1987. С. 47.

² Сравнение не довод (фр.).

³ Конституция (Основной Закон СССР). М.: Юрид. лит., 1980. С. 3.

рельских тезисов» и ожидали контрреволюционный удар с правого фланга, а он был нанесен с левого! Большевистский переворот не был продолжением февральской, великой и бескровной, революции, а победой над классической буржуазной революцией, торжества которой опасался Ленин больше, чем самые отсталые монархисты. Вся контрреволюционная его программа подробно изложена в его апрельских тезисах. Чтобы в этом убедиться, достаточно перечислить поставленные им задачи:

1) разъяснять неразрывную связь капитала с империалистической войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильственным миром нельзя без свержения капитала;

2) приспособиться к особым условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни масс пролетариата. Ленин отмечает при этом, что Россия сейчас находится на первом этапе революции, давшей власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, что Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран. Переходный период между буржуазной и пролетарской революцией характеризуется максимумом легальности, «отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма»;

3) не проявлять никакой поддержки Временному правительству; рабоблачать его, а не требовать, чтобы это правительство капиталистов перестало быть империалистским;

4) разъяснять, что СРД (Совет рабочих депутатов) единственно возможная форма революционного правительства, а не парламентская республика — возвращение к ней от СРД было бы шагом назад.

Ленин тут открыто объявляет войну классической буржуазной революции, призывает к насильственному свержению капитала, т.е. к гражданской войне, хотя и уверяет, что не собирается разжигать гражданскую войну в рядах революционной демократии. Подобно волку, забравшемуся в овчарню, он любит лакомым блюдом, доверчиво-бессознательными ягнятами, не нуждающимися ни в овчарке, ни в парламентской республике. Вообще, они не нуждаются даже в государстве, так как самочинно творят демократию по-своему, не дожидаясь «ни того, как гг. профессора-кадеты напишут свои проекты законов для парламентарной буржуазной республики, ни того, как педанты и рутинеры мелкобуржуазной «социал-демократии», вроде г. Плеханова или Каутского, откажутся от их искажения учения марксизма по вопросу о государстве». Но мало того, доверчиво-бессознательные массы не нуждаются даже в демократии. Сам термин, социал-демократия, вызывает у Ленина чувство отвращения, после того как вожди его предали социализм, обманули народ и перешли на сторону национальной буржуазии: «И мы будем поощрять этот обман, облегчать его, держась того старого и устаревшего названия, которое так же сгнило, как сгнил 2-й Интернационал!» «Надо смотреть вперед к рождающейся новой демократии, которая уже перестает быть демократией, ибо демократия есть господство народа, а сам вооруженный народ не может над собой господствовать.

Слово «демократия» не только научно неверно в применении к коммунистической партии. Оно теперь, после марта 1917 года, есть шора, надеваемая на глаза революционному народу и мешающая ему свободно, смело, самочинно строить новое: Советы рабочих, крестьянских и всяких иных депутатов, как единственную власть в «государстве», как предвестник «отмирания» всякого государства».

Не законы нужны революционному народу, а строжайший порядок, «беспощадное подавление насилием всяких попыток контрреволюции — и царской, и гучковски-буржуазной».

Короче говоря, партийная дисциплина вместо законности. В наше время можно с легкой руки назвать ленинские заветы убожеством, мракобесием, бредом мегаломана, униженного и оскорбленного человека из подполья, вынырнувшего на свет божий при временно благоприятных для него условиях и сумевшего ими воспользоваться. Но это нам ни в каком случае не поможет объяснить, почему именно за ним, за большевиками, пошли доверчиво-бессознательные массы, а не за гг. профессорами-калетами, ни за педантами-рутинерами вроде Плеханова.

Для Ленина все ясно и просто: выхода нет, кроме революции пролетариата, после того, как война привела все человечество на край пропасти, гибели всей культуры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа 4.

Западные исследователи, испытавшие начальную симпатию к большевистскому перевороту, недоумевают перед его последствиями. В книге «Понять русскую революцию» Мартин Малиа удивляется: «В 1917–18 гг. происходит что-то очень странное, русский революционный процесс совершенно сбивается с пути и порождает таинственным образом явление, не имеющее ничего общего с исходами других великих революций в Европе: бюрократическое, идеократическое, тоталитарное, будь оно ленинское или сталинское, государство. Это государство является совершенно новым фактом в мировой истории, бесподобным на Западе»⁴.

Едва ли можно объяснить бесподобное явление, которому удивляется Мартин Малиа, временными обстоятельствами, пагубными последствиями Великой войны или политико-экономическим положением российской империи, слабого звена капиталистической цепи. С целью спасти идею социализма от дискредитации западные социал-демократы неоднократно подчеркивают, что слабое звено капиталистической цепи не является наилучшей почвой для строительства светлого будущего и слагают ответственность за бесподобность явления на отсталость русского менталитета, на религиозные начала, на отсутствие гражданственности и т.д.

Этому спорному вопросу Николай Бердяев посвятил свой труд «Истоки и смысл русского коммунизма». В часто цитированном отрывке он пишет: «Очень интересна сама судьба слова «большевизм». Первоначально это слово совершенно бесцветно и означает сторонников большинства. Но потом оно приобретает символический смысл. Со словом большевизм ассоциировалось понятие силы, со словом меньшевизм — понятие сравнительной слабости. В стихии революции 1917 года восставшие народные массы пленялись «большевизмом» как силой, которая больше дает, в то время как «меньшевизм» представлялся слабым, он дает меньше. Скромное и мало значащее по своему происхождению слово «большевизм» приобрело значение знамени, лозунга, самое слово звучало сильно и выразительно»⁵.

Создается впечатление, что русский народ признает большевизм носителем его ценностей и стремлений. На самом деле Бердяев мало внимания уделяет народу. Интересуясь в первую очередь интеллигенцией, он сводит с ней счеты:

«Вся история русской интеллигенции подготавливала коммунизм. В коммунизм вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, от-

⁴ *Malia M. Comprendre la revolution russe. P. : Ed. du Deuil, 1980. P. 48.*

⁵ *Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: Imca-Пресс, 1955. С. 92.*

вращение к капитализму и буржуазии, стремление к целостному мировоззрению и целостному отношению к жизни, сектантская нетерпимость, подозрительное и враждебное отношение к культурной элите, исключительная посюсторонность, отрицание духа и духовных ценностей, придание материализму почти теологического характера»⁶.

Бердяев тут перечисляет черты, которые были основой для контрреволюции, о которой мы говорим. С мнением Бердяева можно согласиться, не приписывая предполагаемому менталитету русского народа этого мирового зренья, свойственного интеллигенции, и, самое главное, не забывая, что Бердяев не стремится ни восстановить ценности дворянской культуры, ни даже прославить серебряный век, ренессанс, в котором он сам принял деятельное участие, а доказать: «Воинствующий атеизм русских революционных социалистических и анархических направлений был вывернутой наизнанку русской религиозностью, русской апокалиптикой»⁷.

Этим скромным утешением христианин-теософ признает в гонителе православия своего брата, жаждущего правды, сбитого с пути истины, но во имя общей русской идеи. При этом он отмежевывается от западников, просветителей и либералов, не имеющих никакой идеологии, в которой всегда нуждалась русская интеллигенция. Победу большевизма Бердяев объясняет провалом духовных и культурных ценностей, расколом между идеями, господствующими в верхнем слое русской культуры, представителем которой себя выдает Бердяев, и понятиями, свойственными деятелям революционного движения: эти материалисты и позитивисты отстали от веяния духа, которое пронеслось над Европой и Россией в конце XIX и начале XX вв. Следует тем не менее отметить, что октябрьский переворот кладет конец завоеваниям просветительской петровской революции, влиянию западной культуры, буржуазной цивилизации, двухсотлетнему процессу сближения России с Западом. В этой перспективе Октябрь является завершением контрреволюционного процесса, возникшего и развивавшегося одновременно с самой революцией, отторжением, реакцией организма на прививку.

Само понятие «революция сверху» содержала столь глубокие противоречия, что едва ли возможно было их разрешить, не превзойдя, на каком-то решительном этапе, общественно-политический уровень, на котором она возникла. В «Истории Петра I» Пушкин отмечает двойственность его личности: деятельность «ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости», плодом которого будут государственные учреждения, созданные для будущего, и черты его характера, выражающиеся в жестоких, своенравных, «будто писанных кнутом, указах»⁸. Не в самом ли понятии *просвещенный деспот* скорее, чем в личности Петра, источник противоречивого характера просветительской революции? Европеизация государственного аппарата и высшего общества вызывает, с одной стороны: расширение крепостного права, увеличение налогообложения, рост столичной и местной бюрократии, усиление дворянско-помещичьей власти, культурный раскол между привилегированным сословием и народом, подражание Западу, галломанию. А с другой стороны: расширение новых отраслей промышленности, рост производства, постепенный перевес законности над произволом и, среди просвещенного общества, восприятие общечеловеческих ценностей: чувство собственного достоинства, терпимость, уважение к личности, увлечение знанием, наукой, сознание гражданского долга.

⁶ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: Imca-Пресс, 1955. С. 100.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Пушкин А.С. Собр. соч. М.: Худ. лит., 1962. Т. 7. С. 156, 339, 383.

Создается впечатление, что, предприняв радикальные реформы, Петр Великий открыл ящик Пандоры, из которого вырвались противоречивые силы, незнакомые Московской Руси; они стали раздирать сознание тех, кто приступал к просвещению, и вызывать патологические явления. Русская интеллигенция выросла на этой почве. Кто кого? В этой перспективе история царской Руси сводится к трагичному противопоставлению революции сверху, просвещенного деспотизма, клонящегося то к конституционному режиму, то к самодержавию, и *ползучей* контрреволюции, принимающей различные формы, не встречающей решающего ответного воздействия, но обезвреженной полицейским порядком.

Я предлагаю описать это столкновение в виде семантического квадрата, в котором свобода и порядок фигурируют в качестве противоположных, положительных ценностей, а беспорядок и деспотизм в качестве отрицательных. Свобода и деспотизм, порядок и беспорядок находятся в противоречии; свобода и беспорядок, порядок и деспотизм дополняют, подразумевают друг друга.

1 — *Свобода*: просвещение, наука, терпимость, диалог, гласность, правовое государство, равенство, гражданство;

2 — *Порядок*: заветы, традиции, принципиальность, авторитарное правление, иерархия, подданство;

3 — *Беспорядок*: авангардизм, вольнодумство, вольность, нигилизм, анархизм, обличение признанных ценностей;

4 — *Деспотизм*: антиинтеллигентность, популизм, культ вождя, нетерпимость, конспиративность, примат силы, военщина.

Колебание просветительской революции сверху между порядком и свободой вызывает подобное колебание снизу между беспорядком и деспотизмом и порождает контрреволюционную идеологию с ее последствиями: диктатура пролетариата вместо правового государства.

Нельзя назвать проявлением гражданственности дворцовые перевороты, сопровождающие каждое восшествие на престол в XVIII веке, или видеть в Наказе преамбулу, открывающую путь к правовому государству. Тем не менее решительное выступление гвардейцев-декабристов в известной степени является наследием минувшего столетия. Пока сопротивление петровским реформам и их отрицательным последствиям не принимает форму контрреволюции, в верхах оно выражается интригами и заговорами, а в низах — казачьими и крестьянскими восстаниями. Неудачу Пугачева, «грубого самозванца», Радищев объясняет отсутствием какой-либо политической программы. Те, кто примкнули к его восстанию, еще чли святость царского сана и искали «в невежестве своем паче веселие мщения, нежели пользу сотрясения уз». Сам Пушкин признает: «Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства»⁹. Но дворянство того времени больше заботилось о сбережении своих льгот и владений, чем о просвещении. А колебание Екатерины между порядком и свободой служило политическим орудием для укрепления ее власти.

По-своему заботился о просвещении Павел I, когда он мечтал спасти Европу от хаоса, во имя древних рыцарских ценностей, под знаком Балтийского Ордена. Вернее, он мечтал о той Реставрации, за которую принялся его сын и наследник при восстановлении европейской системы, разрушенной французской революцией и империей. А в начале царствования своего Александр, в противовес старой екатерининской знати, желал опереться на моло-

⁹ Пушкин А. С. Собр. соч. М.: Худ. лит., 1962. Т. 7. С. 339.

дежь, воспитанную в духе английского либерализма, и пробить снова путь к просвещению и к реформам. Но колебания его между свободой и порядком, между Сперанским и Карамзиным, довели до аракеевщины, которую можно справедливо назвать попыткой контрреволюции сверху. Против нее вместо кочующего деспота выступил цвет русского просвещенного общества, эти первые плоды петровской революции. Катастрофа на Сенатской площади лишает русское дворянство возможности проявить политическое влияние в области реформ. Остается лишь крепостникам привилегия препятствовать всем попыткам реформ, задуманных Николаем I, в тиши секретных комитетов, при содействии бюрократического аппарата, которому, за неимением лучшего, ему приходится доверять.

Призвано ли старинное дворянство, наподобие английской аристократии, защищать общественные интересы и служить противовесом неограниченной власти самодержавия, даже просвещенного? «Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется, много». Когда в конце 1834 года Пушкин приводит в своем дневнике разговор с великим князем, — верит ли он еще в историческую миссию родовитого дворянства? Доверяет ли он царю, выдающего себя за второго Петра Великого? — заявление его великому князю: «*Vous êtes bien de votre famille, tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs*» принимает форму вызова.

Пугачевщина послужила жестоким уроком: без охраны и без покровительства самодержавия привилегированному сословию грозит народная расправа, просвещенному обществу едва ли открываются перспективы самостоятельного развития.

Главным препятствием на пути к просвещению стоит не столько самодержавие, сколько крепостное право. Ведь сам Николай I искренний сторонник его отмены; такие просветители-государственники, как граф Киселев, своими побуждениями готовят умы к нововведению, но полное отсутствие гласности лишает их необходимой поддержки со стороны возникающего тогда общественного мнения. Лучшие представители просвещенного общества, которые не довольствуются выбором между смирением и усердием на царской службе, приступают к самостоятельному размышлению.

В статье «О старом и новом» А. Хомяков задает вопрос: «Прежняя Россия, в которой порядок вещей слагался из собственных элементов, была ли лучше или хуже теперешней России, где порядок вещей подчинен преобладанию элемента западного?»¹⁰. И. В. Киреевский ему отвечает, что он не намерен писать сатиру на Запад: «Я еще и теперь люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями...»¹¹. Но он тут же излагает свои новые понятия. В 1832 г. в своей статье «XIX век» он еще писал: «От самого падения Римской империи до наших времен просвещение Европы представляется нам в постепенном развитии и в непрерывной последовательности...»¹². Он перечислял три стихии, на которых основалась Европа: 1) влияние христианства, 2) характер, образованность и дух варварских народов, разрушивших Римскую империю, 3) остатки древнего мира — и заключал: «Еще прежде X века имели мы христианскую религию, были у нас и варвары, и, вероятно, те же, которые разрушили Римскую империю; но классического древнего мира не доставало нашему развитию»¹³.

¹⁰ Хомяков А. Избр. соч. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1955. С. 80–81.

¹¹ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. М.: Худ. лит., 1911. Т. 1. С. 109.

¹² Там же. С. 97–98.

¹³ Там же. Т. 2. С. 111–112.

Теперь Киреевский заявляет: «Этот классический мир древнего язычества, не доставшийся в наследие России, в сущности своей представляет торжество формального разума человека над всем, что внутри, и вне его находится (...) в виде формальной отвлеченности и отвлеченной ответственности (...) Римская церковь в уклонении своем от Восточной отличается именно тем же торжеством рационализма над преданием, внешней разумности над внутренним духовным разумом»¹⁴.

Киреевский совершил диалектический переворот: наследие древнего мира вместо того, чтобы обеспечить первенство Запада, породило там формализм, подчинило христианскую религию рационализму, от которого обереглось православие. Современный вопрос не заключается в том, как Россия должна определить свое отношение к Европе, а наоборот, как Европа должна относиться к православному христианскому миру.

В 1845 г. в статье «Мнение иностранцев о России» Хомяков удивляется: «Странно, что Россия одна имеет как будто привилегию пробуждать худшие чувства европейского сердца. Кажется, у нас и кровь индоевропейская, как и у наших западных соседей, и кожа индоевропейская (а кожа, как известно, дело великой важности, совершенно изменяющее все нравственные отношения людей друг с другом), и язык индоевропейский, да еще какой! самый чистейший и чуть-чуть не индийский; а все-таки мы своим соседям не братья». Слишком много различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы. «Отказать» нам в наших правах они не могут: мы слишком сильны (...) Поэтому полной любви и братства мы ожидать не можем, но мы могли бы и должны ожидать уважения»¹⁵.

В 1846 году в статье «Мнение русских об иностранцах» Хомяков объявляет, что эпоха перерождения в нашем просвещении наступила. Еще важнее явления, доказывающие, что мы начали понимать не только темным инстинктом, но истинным, наукообразным разумением всю шаткость и бесплодность духовного мира на Западе. Очевидно, что он сам сомневается в себе и ищет новых начал, утратив веру в прежние, и только утешает себя тем, что называет нашу эпоху эпохой перехода, не понимая, что это самое название доказывает уже отсутствие убеждений... Но нам предоставлено было возвести инстинктивные сомнения западного мира в наукообразные отрицания — и этот подвиг должно считать лучшей заслугой нашей современной науки, заслугой, которую наше образованное общество начало уже оценивать, хотя, конечно, оценило не вполне»¹⁶. Парадоксальность славянофильского манифеста заключается в том, что тот, кто отрицает европеизацию России, просветительскую революцию, сам является плодом этой революции и обращается к обществу, ей же созданному. Контрреволюционный характер речи Хомякова выражается наукообразными отрицаниями (?), общими местами, украшенными такими терминами, как формализм, наука, убеждения. Впоследствии, под другим флагом, они получают широкое распространение. С политической точки зрения выступления Хомякова не носят агрессивного характера. Автор обращается к своим, возражает Чаадаеву, который в своем знаменитом «Философском письме» несправедливо объявил, что у России нет прошлого, что русский народ проживает без традиций, вне времени, ни на западе, ни на востоке, что европеизация, которой так гордится Петербург, лишь обман, достигнутый дорогой ценой, и выносит страшный приговор: «Мы жили, мы живем, как

¹⁴ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. М.: Худ. лит., 1911. Т. 2. С. 111–112.

¹⁵ Хомяков А. Указ. соч. С. 80–81.

¹⁶ Там же. С. 134–135.

великий урок для отдаленных потомств, которые воспользуются им непременно, но в настоящее время, что бы ни говорили, мы составляем пробел в порядке разумения»* (на франц. языке)¹⁷. Возражая на этот пессимизм, Пушкин спрашивал Чаадаева: «Разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне истории?»¹⁸. Все эти споры возникли среди «мирного общества друзей науки и просвещения», между М.Т. Каченовским, главой скептической школы, и М.П. Погодиным, твердящим, что бесполезно сравнивать Россию с Европой: «Русская гражданская образованность, или, лучше, Русская История, шла иначе, нежели История прочих европейских государств. Покажите это иначе; но не толкуйте о замедлении и об ускорении»¹⁹. Сам Чаадаев не сомневается в будущем России. Он только ставит условие: «Истинная история этого народа начнется с того дня, когда он осознает идею, которую ему вручили, которую ему дано осуществить, и когда он станет ее преследовать с тем упорным, хотя и скрытым инстинктом, который ведет народы к их судьбе»²⁰. Сочинителем русской идеи, хлеба насущного будущей интеллигенции, является Чаадаев! По словам Герцена, все, что смутно волновало душу каждого, выразилось в его писаниях.

Западник Белинский, открыв свою литературную деятельность отпеванием риторической литературы, полемизируя одновременно с пессимизмом Чаадаева и с оптимизмом славянофилов, возлагает все свои надежды на продвижение петровской революции: «Петр выразил собой великую идею самоотрицания случайного и произвольного в пользу необходимого, грубых форм ложно развивавшейся народности в пользу разумного содержания национальной жизни. Этою высокою способностью самоотрицания обладают только великие люди и великие народы, и ею-то русское племя возвысилось над всеми славянскими племенами; в ней-то и заключается источник его настоящего могущества и будущего величия». Никакого мессианизма этому будущему величию Белинский не предписывает: «Какую идею предназначено выражать России, — определить это тем труднее и даже невозможнее, что европейская история России началась только с Петра Великого и что поэтому Россия есть страна будущего»²¹.

Неистовый Виссарион в припадке ярости ссылается на палку Петра Великого, на святую гильотину, но терроризм его пропитан гражданским чувством. Сопоставляя слова народность и национальность, он подчеркивает, «что преобразования Петра Великого и введенный им европеизм нисколько не изменили и не могли изменить народности, но только оживили ее духом новой и богатейшей жизни и дали ей необъятную сферу для проявления и деятельности (...) Под народом более разумеется низший слой государства; нация выражает собою понятие о совокупности всех сословий государства. В народе еще нет нации, но в нации есть и народ»²². В понятие нация Белинский включает просвещенный слой населения и отвергает обвинение, будто здание преобразования, построенное без фундамента, ибо начато сверху, а не снизу, состояло в одних внешних формах, не привив истинного европеизма.

¹⁷ Чаадаев П.Я. Соч. и письма. М., 1913. С. 15, 81.

¹⁸ Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 10. С. 310.

¹⁹ Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., б.г. Т. 4. С. 62.

²⁰ Чаадаев П.Я. Указ. соч. С. 225.

²¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Б.г. Т. 6. С. 19, 618–619.

²² Там же. Т. 5. С. 120–121.

Что Россия никогда не имела свойственного ей развития, в этом убежден западник Герцен: «Одна мощная мысль Запада могла оплодотворить зародыши, дремлющие в патриархальном быту славянском». Отречение от петербургского периода, возвращение к народу, к прежним нравам он считает заблуждением, потому что история не возвращается и не к чему ей возвращаться. Хотя Герцен и поддерживает корректные отношения с Киреевским и с «честными» славянами, его радикализм вызывает в лагере западников разногласие между умеренными и крайними. Прибыв в Париж, он встречается там с Бакуниным. Бывший друг Белинского сжег свои корабли, сблизился с польской эмиграцией и открытым письмом в газету «La Reforme» объявил, что для несчастных и угнетенных стран, как Россия и Польша, нет спасения, кроме демократии. Думают, что демократия невозможна в его отечестве? Нет, русский народ не развращен рабством, он только несчастен. «В его полуварварской природе чувствуется столько энергии и размаха, такое обилие страсти и ума, что, зная его, нельзя не быть уверенным в том, что ему предстоит еще выполнить в мире великую миссию». Герцен еще не дошел до подобного преклонения перед русским народом, но либерал-революционер, поклонник декабристов в своих Письмах из Франции восхваляет парижского работника и поносит французскую буржуазию... с аристократической точки зрения: «Буржуазия не имеет великого прошедшего и никакой будущности. Она была минутно хороша как отрицание, как переход, как противоположность, как отстаивание себя (...) Наследник блестящего дворянства и грубого плебеизма, буржуа соединил в себе самые резкие недостатки обоих, утратив достоинства их. Он богат, как вельможа, но скуп, как лавочник»²³.

«Письма из Avenue Marigny» Герцена выходят в «Современнике». Их тон волнует умеренных западников в Москве: не воспользуются ли славянофилы этими нападками на буржуазию? Летом 1847 г. Белинский приехал лечиться в Париж после пребывания в Зальцбрунне. За несколько месяцев до вспышки февральской революции в Париже он присутствует на прениях между Бакуниным, который, повторяя слова Луи Блана, что надо ее полностью уничтожить, усматривает только зло в буржуазии, и Анненковым и Сазоновым, которые защищают ее роль на разных исторических этапах и упрекают Герцена в том, что он не отличает больших капиталистов от промышленников, от среднего класса.

Вернувшись в Петербург, Белинский в переписке с Боткиным упрекает его и москвичей в нетерпимости по отношению к справедливым нападениям Герцена, но добавляет: «Пока буржуазия есть и пока она сильна, — я знаю, что она должна быть и не может не быть. Я знаю, что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества»²⁴.

Мало осталось жить Белинскому. Вскоре по всей России распространятся копии его «Письма к Гоголю», которое молодое поколение будет воспринимать как революционный манифест, как его политическое завещание. На самом деле политическим завещанием Белинского будет письмо Анненкову от 15 февраля 1848 г. Упомянув о беседах в Париже, он пишет о мистической вере в народ Бакунина: «Кстати, мой верующий друг и наши славянофилы сильно помогли мне сбросить с себя мистическое верование в народ. Где и когда народ освободил себя? Всегда и все делалось через личности. Когда я, в спорах с Вами о буржуазии, называл Вас консерватором, я был осел в квадрате, а Вы были умный человек. Вся

²³ Герцен А.И. Собр. соч. Б.М., Б.Г. Т. 10. С. 149.

²⁴ Белинский В.Г. Указ. соч. Т. 5. С. 121.

будущность Франции в руках буржуазии, всякий прогресс зависит от нее одной, и народ тут может по временам играть пассивно-вспомогательную роль (...) Мой верующий друг доказывал мне еще, что избави-де Бог Россию от буржуазии. А теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию (...) Верующий друг и славянофилы наши оказали мне большую услугу. Не удивляйтесь сближению: лучшие из славянофилов смотрят на народ совершенно так, как мой верующий друг; они высосали эти понятия из социалистов и в статьях своих цитируют Жоржа Занда и Луи Блана»²⁵.

Белинский все понял! Увы, он слегка увлекся, воображая, что русское дворянство может обратиться в буржуазию, в сословие промышленников, но он ясно сознал опасность объективного союза, который тогда заключался на его глазах, контрреволюционный союз между крайностями, направленный на общего врага, на господство буржуазии, на капитализм, на духовный и политический формализм западной цивилизации и, следовательно, против европеизации России, против просветительской революции. Еще не существует контрреволюционной организации, но идеология уже испытала свои силы, и терпеливому *кроту* открывается возможность подкапывать шаткие основы царской России. Парадоксально то, что именно просвещенная элита сама призывает злейшего своего врага. Споря в Москве о прошлом и будущем России, охранители древних заветов, православной веры и соборности и дворяне-прогрессисты единодушно осуждают столичную бюрократию и западную буржуазию, не отдавая себе отчета в том, что они этим лишают себя объективных носителей и защитников тех ценностей, которыми каждый по-своему дорожит. Царский режим не сводится только к столичной бюрократии, к господству эксплуататоров, он же развивает начала правового государства. Обезгосударствление ведет к несправедливости, к азиатскому деспотизму. Полное уничтожение буржуазии ведет к гибели завоеваний промышленной революции и современности.

На смену беседам в кружках, в гостиных, на смену альманахам для избранных пришли публичные лекции в университетах и столичные толстые журналы; общественное мнение пробудилось в разгаре споров славянофилов с западниками. После мрачного семилетия, когда открылся новый этап просветительской революции, когда, после отмены крепостного права, стали последовательно проводиться долгожданные реформы юстиции, местного управления, народного просвещения, военной повинности, к удивлению общественности и правящих кругов, сложилась неожиданная ситуация. Опасались мятежных выступлений со стороны крестьян: они, в подавляющем большинстве, не возражали и принялись за выкуп земель. Сопrotивления и отказы пошли от просвещенного и полупросвещенного слоя общества, от авангарда интеллигенции, именно от тех, кому надлежало использовать открывающиеся новые перспективы. Увы, новым людям они показались именно тем зловещим путем, от которого надо было уберечь русский народ, тупиком, из которого Запад не способен был выбраться без социальной революции или без Просвещения, восходящего на Востоке. Тогда как в России просветительская революция развивалась в промышленную и нуждалась в предпринимателях, фабрикантах, в коммерсантах, стали размножаться просветители-разночинцы; они вскоре завладели необходимыми высотами, чтобы управлять общественным мнением. Разьедаемые ненавистью к дворянской

²⁵ Бакунин М.А. Собр. соч. и писем. М., 1934—1935. Т. 3. С. 242.

культуре, Чернышевский, Добролюбов, Писарев и пр. заменили литературную борьбу с типами классовой борьбой с дворянством, дискредитировали систематично ее духовные ценности, судили обо всем по направлению, превращали прекраснодушие Обломова в обломовщину, либерализм в пустословие, идеализм, т.е. веру в общечеловеческие начала — в маниловщину.

А на горизонте уже росла новая аракчеевщина. На Западе Герцен следил с волнением за ее ростом, среди молодого поколения, в эмиграции, задумывался над образом Базарова и проводил параллель между *базаровщиной* и *аракчеевщиной*, защищал понятие государства против анархизма и восклицал: «Неужели цивилизация кнутом, освобождение гильотиной составляют вечную необходимость всякого шага вперед?»²⁶. Сам анархист Бакунин в конфронтации с Нечаевым раскрыл свою задушевность: свободолюбие в моральном и философском смысле либерализма XVIII века, не признающее ни просвещенного деспотизма, ни буржуазного либерализма.

Чтобы изгонять нечистую силу из бесов, не пощадивших даже своих наставников 40-х гг., великие русские писатели стали высылать почтенных старцев, по подобию отца Тихона, или проповедовать непротivление злу насилием, но едва ли их увещания могли отвернуть от контрреволюции тех, кто был убежден, что будущее человечества в социализме и что русский народ может миновать капитализм, хождение по мукам с европейскими народами.

Парадоксально, но в России носителем просветительных начал в современной перспективе оказался кратковременно марксизм. Когда перечитываешь «Наши разногласия» Плеханова, программу социал-демократической группы «Освобождение труда» с перечнем основных гражданских прав, то понимаешь, почему ничего общего с большевиками не оказалось у социал-демократов-меньшевиков, как и у либералов, у кадетов и у монархистов. Ленин навел порядок среди сторонников легального марксизма, считающих, что по всем правилам исторического материализма России предстоит прожить, как и западным странам, все этапы капиталистической формации, и немислимо обойти их преждевременной революцией. Чтобы остаться верным марксизму, Ленин уложил Россию в прокрустово ложе: объявил, опираясь на науку, что феодализм канул в вечность в 1861 г. и оставил русскому капитализму 56 лет, чтобы совершить свою историческую миссию, создать рабочий класс; остальное было делом большевиков. Благодаря их усилиям Россия избежала последствий буржуазной классической революции. Бердяев отмечает: «Но самый большой парадокс в судьбе России и русской революции в том, что либеральные идеи права, как и идеи социального реформизма оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием».

Сколько парадоксов! Вернее, сколько противоречий, неразрешимых, потому что долгожданное свидание человечества с социализмом не состоялось ни на Западе, ни в России.

Чтобы уяснить все, что тут было изложено, я предлагаю следующую схему общего исторического развития европейских стран:

²⁶ Герцен А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 34.

	1 этап	2 этап	3 этап
Политика	Самодержавие; держава	Государство; просвещенный деспотизм	Правовое государ- ство; демократия
Экономика	Сельское хозяйство; крепост. право	Индустриальная революция; научно-технич. прогресс	Либерализм; мировой рынок
Общество	Патриархальное, примат военному	Просвещенное / народ Гражданское / военное	Гражданское потребительское
Культура	Соборность; религиозная	Эмансипация личнос- ти; светская / религиозная	Секуляризация; плюрализм

Россия прошла 1 и 2 этапы, но отказалась от 3-го с намерением его перескочить и перейти прямо на 4... но она оказалась жертвой контрреволюции, вернулась обратно к 1 этапу; затем своеобразно прожила этап, напоминающий 2, но ведущий в тупик.

	4 этап? или	обратно к 1 этапу?	и... к СССР
Политика	Отмирание государ- ства; вся власть советам	Монолитность; державность	Командно-адми- нист. система
Экономика	Экспроприация экспроприаторов	Коллективизация крестьян; порабощение раб. силы	Военно-промыш. комплекс
Общество	Строительство социализма	Руковод. роль партии; мобилизация масс	Интеллигенция / народ
Культура	Культурная револю- ция; пролеткульт и т.д.	Коллективизм; партийность	Коллективизм; диссидентство; соцреализм

Пошли ли за большевиками доверчиво-бессознательные массы в 1917 г.? Не является ли большевистский переворот тоже политическим актом сверху?

«Хотели чтобы получше, а получилось как всегда!» (По словам В.С. Черномырдина).

Summary

The paper of Dr. Prof. Alexander Bourmeister tales about global circuit of the historical development: 1 stage — autocracy in policy, agriculture in economy, patriarchal society, religious culture; 2 stage — the educated despotism, Industrial revolution, scientific progress, education; 3 stage — democracy, liberalism, the world market, pluralism. Russia has passed 1 and 2 stage, but has refused from 3, with intention to skip it and proceed directly on 4, on communism, but she appeared a victim of counterrevolution, has returned back to 1 stage.